

Л. Я. Рубина, С. Н. Айрапетова, А. С. Пацук

Екатеринбург

СОВРЕМЕННАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современная семья; студенческая семья; функции семьи; типология брачных отношений.

АННОТАЦИЯ. На материалах конкретно-социологических исследований обосновывается необходимость выделения особенностей современной студенческой семьи. Подчеркиваются те изменения функций института брака и семьи в обществе, которые находят отражение в отношении молодежи к проблемам семейной жизни и должны быть учтены в воспитательной деятельности.

L. Y. Rubina, S. N. Airapetova, A. S. Patsuk

Yekaterinburg

MODERN STUDENT'S FAMILY: FUNCTIONAL AND GENDER ASPECTS

KEY WORDS: a modern family; a student's family; family functions; typology of marriage relations.

ABSTRACT. In the article based on materials of concrete sociological research necessity of accentuation of features of modern student's family is proved. Those changes of functions of institute of marriage and family in the society which find reflexion in the attitude of youth to the problems of family life are underlined and they should be considered in educational activity.

Современная семья переживает глубокий кризис. Этот кризис является глобальным, присущ всем развитым странам, возник не в последние годы. Корни кризиса кроются в тех радикальных преобразованиях, которые произошли в Европе и Северной Америке под влиянием индустриализации. Современный социально-экономический спад лишь обнажил семейный кризис, но

не привнес в него ничего принципиально нового. Изменился образ жизни людей в современных обществах, цивилизация привела к утрате высокого и значимого в прошлом места семьи в социальной структуре общества. Специфика российской ситуации лишь накладывается на общемировые тенденции.

Происходящие изменения оцениваются учеными в понятиях «крах», «кри-

зис» семьи, в трактовке которых сложились разные подходы.

Одни считают, что под влиянием эволюции общества в семье происходит дезорганизация, трансформация функций, но она не означает гибель семьи. На обломках традиционалистской семьи возникают новые альтернативные семейные структуры, которые как бы освобождаются от старых проблем. Новые потребности семьи и должны учитываться государственной семейной политикой. Другие говорят не о кризисе, а о крахе института семьи, который исчерпал себя и не выполняет своих функций. Они считают, что понятие «семья» почти не применимо в сложившейся ситуации, его следует заменить термином «домохозяйство» (который, кстати, употреблялся в России в последних переписях населения).

Подобные точки зрения имеют право на существование, но они все-таки не объясняют проблему до конца. Институт семьи существует не только потому, что выполняет жизненно важные для общества функции, но и потому, что вступление в брак, рождение, содержание и воспитание детей отвечает каким-то глубоко личным, интимным, смысложизненным потребностям людей. По-видимому, именно ослабление, угасание этих личных мотивов и желаний ярче всего раскрывает кризис семьи как социального института.

В России нет эффективной семейной политики, а есть лишь разрозненные меры материальной, чаще — денежной помощи семье, которые служат целям популизма и сохранения власти. Примером тому служит бесславно закончившийся год семьи, когда выяснилось, что на материнский капитал предъявила права лишь половина из планировавшегося государством числа претендентов. Речь должна идти о разработке семейного менеджмента, который, собственно, и является полем приложения профессио-

нальных усилий социологов, психологов, социальных работников и политиков-практиков.

С 90-х гг. ХХ в. под воздействием западной культуры, повышения ценностей автономии и независимости в отношениях, значительного поколенческого расхождения в жизненных идеалах, установках и приоритетах происходят заметные изменения в матримониальном поведении молодежи. Повысился возраст молодоженов (особенно в крупных городах) и удельный вес вынужденных браков, связанных с беременностью невесты, уменьшилось число студенческих браков, значительно меньше стало торжественных регистраций. Происходит трансформация сферы взаимоотношений полов и представлений о содержании функций мужчин и женщин в семье. В нынешних социально-экономических условиях роль мужа-добытчика стала особенно проблематичной.

К молодой семье в социологии относят супружес в возрасте до 28—30 лет (в официальных программах-документах, предполагающих льготы молодым семьям, закреплен возраст до 35—36 лет), имеющих стаж семейной жизни до 5 лет. Специфика молодой семьи определяется тем, что она находится в процессе становления, интенсивного развития внутрисемейных отношений, освоения социальных ролей, жизненных стратегий каждым членом семьи, а также социализацией в обществе как самостоятельного социального субъекта, выполнением в той или иной степени функций социального института. Молодежь считают «барометром» общества не случайно, поскольку социальные процессы, происходящие в этой группе, не просто отражают состояние общества, но и делают это с большей скоростью и остротой реакции.

Поэтому в нашем исследовании студенческой семьи можно было изначально предположить наличие тенденций, адекватных изменениям в обществе.

В различных типологиях брака и семьи студенческая семья как таковая не выделяется. Студенческая семья — феномен советского времени, существующий и на постсоветском пространстве. Нормой для зарубежного студенчества является установка на успешное завершение образования, обретение конкретного статуса, откладывание брака до достижения материально-бытового благополучия, т. е. в их сознании преобладает рациональный, прагматический подход к созданию семьи.

Социалистический патернализм («отеческое попечение» со стороны государства) сформировал другую установку в нашей стране. Вопрос: нужна ли студенческая семья? С одной стороны, да, в условиях углубляющегося демографического кризиса она позволит хотя бы отчасти улучшить ситуацию. Можно понять, почему молодые девушки стремятся выйти замуж в студенческие годы. На брачном рынке России число не состоящих в браке женщин брачного возраста больше на 11 млн человек, чем неженатых мужчин. А из «имеющихся в наличии мужчин» немалая часть являются девиантами: алкоголиками, наркоманами, люмпенами, проблемными маргиналами и др., т. е. субъектами групп риска, не пригодными к браку. Статистика свидетельствует и о том, что с ростом образования у мужчин снижается процент безбрачия, а у женщин он, напротив, растет. Образованной, успешной женщине на брачном рынке России довольно трудно найти равного партнера. Это вынуждает многих из них выбирать путь одинокого материнства. Понятно, почему у студенток формируется установка на ранний брак («пока берут»).

С другой стороны, патернализм государства в отношении молодых плохо совместим с выбранным путем развития страны, который предполагает развитую индивидуальность, отвечающую за свои поступки и решения. Есть еще одна сто-

рона проблемы: патернализм родителей, которые зачастую вынуждены проживать совместно с молодой семьей, содержать своих женатых детей, воспитывать внуков. Студенческая семья, за редким исключением, не может содержать себя в финансово-материальном отношении. Формируется модель потребительского поведения детей, а родители считают, что в такой ситуации они имеют право руководить семейной жизнью взрослых детей, что является причиной конфликтов в молодой семье.

Наше исследование проблемы «студенческая семья» проведено кафедрой социологии УрГПУ в июне—сентябре 2009 г. при активном участии студенческого профкома университета (председатель — Н. И. Баженова)

Методом анкетного опроса охвачены 217 семейных студентов дневного отделения шести вузов г. Екатеринбурга (УрГПУ, УГТУ — УПИ, РГППУ, УрГЭУ, УрГУ, УГГУ) и Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Ряд особенностей отношения к семейной жизни студентов педагогического, политехнического, профессионально-педагогического университетов удалось выделить в качестве статистически значимых, хотя они ненамного отличаются от общих показателей. Различия имеют место не по содержанию мнений, а по количеству семейных студентов в общем контингенте вузов. Доминирование одного пола в профессиональной группе студенчества не содействует созданию семьи (наиболее «семейными» остаются отряды студентов медицинских, сельскохозяйственных, инженерно-технических вузов, наименее — педагогических, экономических). В общем числе опрошенных нами студентов 55% являются членами «чисто студенческих семей», в 45% семей один из супругов не является студентом, при этом доля таких «нестудентов» у респондентов из педагогических вузов увеличена, по сравнению

с другими, до 54% в УрГПУ и 60% в РГППУ.

Общие статистические данные семейных студентов свердловских вузов (т. наз. «паспортичка») представлены следующим образом.

В числе наших респондентов 42% мужчин и 58% женщин, что соответствует распределению вузовского контингента по полу. Естественно, что наибольшая доля семейных студентов учится на выпускных (4–5) курсах — 67,5%, пятая часть (21,2%) — вступившие в брак на 3 курсе, 9,3% — на 2 курсе и 2% — первокурсники. По числу лет «брачного состояния» большинство ответивших на данный вопрос — 88% — отнесли себя к «свежим» молодоженам (стаж 1–2 года), имеют опыт семейной жизни 3 года — 6%, четырехлетние и все другие браки — 6%. Следует отметить, что на этот вопрос не ответил каждый седьмой из опрошенных, и это связано, по-видимому, с теми из них, чей брак не был на момент опроса юридически оформленным. Средний возраст семейных студентов — 21 год, 75% из них — в возрасте 20–23 лет, 14,3% — 18–19-летних, 10,7% — старше 23 лет. Данные по полу, возрасту, семейному статусу являются важными для понимания отношения студентов к проблемам брака, семьи, ее структуры, степени устойчивости, перспектив и т. п.

Отвечая на вопрос о юридическом статусе своего брака, только 3% студентов обошли этот момент своим вниманием, а из числа ответивших две трети указывают на законодательное закрепление брака и одна треть считает свой брак фактическим, но не оформленным юридически.

Социологические исследования, проведенные в конце XX — начале XXI в., показывают, что такая форма брака, как сожительство, с каждым годом все активнее распространяется и среди студенческой молодежи: они допускают возможность сексуальных внебрачных от-

ношений, а если между партнерами установились «тесные духовные отношения» (оправдывали их в 1964 г. — 45%, а в 2005 г. — 70%), то считают себя семьей. В научной литературе этот факт рассматривается как свидетельство изменения социальных функций брака и семьи, их роли в жизни личности, как неотъемлемая черта процесса модернизации демографического поведения в целом. Однако, несмотря на отмеченный рост позитивного отношения молодежи к внебрачным формам связей, все же приоритетными в студенческих кругах остаются юридически оформленные браки. Судя по проведенному нами опросу, 65% семейных студентов вузов нашего города состоят в юридически оформленном, а 35% — в фактическом союзе.

В отличие от мнения большинства студентов, состоящих в свободном браке и считающих, что добрачное сожительство является лучшей формой узнавания человека в быту, приспособления друг к другу, научно доказано, что внесемейный опыт может затруднить переход от сконцентрированности на своих делах к учету потребностей и желаний других членов семьи, прежде всего детей. Сожительство не является той системой, которая успешно готовит будущих супругов к браку, так как отсутствие обязательств в несемейном домохозяйстве может привести к их отсутствию в браке.

В то же время, наряду с отрицательными сторонами фактического брака (непрочности положения, нестабильности отношений, бесстатусности «мужа — жены», недостаточной легитимности, неодобряемости в общественном мнении, отсутствием защиты имущественных прав супругов и детей), в нем есть и положительные моменты: данные отношения в какой-то мере позволяют приобрести начальный опыт семейной жизни, они предпочтительнее ранних браков, которые в основной массе своей через 5–6 лет распадаются. На вопрос «По

какой причине студенты не оформляют свои брачные отношения?» нами были получены следующие ответы вне зависимости от пола и места обучения: большинство студентов вообще считают необязательной регистрацию браков; отмечают неготовность к ответственности, налагаемой браком; считают, что много нерешенных бытовых проблем (44%); что жизнь становится более однобразной (44,4%); быстро остывают чувства (43,5%), ограничивается личная свобода (38%)...

Очевидно, на эти обстоятельства следует обращать внимание в воспитательной работе со студентами. И главной проблемой в этой работе становится вопрос об ответственности, самостоятельности в решении смысложизненных проблем и толерантности по отношению к другому. В оценке семейных ценностей (функций), выражая определенное единство в понимании значимости супружества для избавления от одиночества (1-е место в ранговой шкале значимости), упорядочения интимной жизни (2-е место), налаживания быта и режима жизни (3-е место), студенты расходятся в осознании важности семьи для воспитания детей: «незарегистрированные» ставят эту ценность выше (на 4-е место), чем «зарегистрированные» (у них она на 6-м месте), может быть, поэтому и не заводят пока детей.

В последние годы сокращается число семейных пар, где оба супруга являются студентами. Как показывают исследования отечественных ученых и как видно из проведенного нами исследования, уменьшение официальных брачных союзов в значительной мере компенсируется ростом числа фактических незарегистрированных браков.

Три четверти молодых студенческих семей составляют супружеские пары. Около 20% — имеют одного или пока очень редко (1,4%) двух детей. Часть семей включает, кроме супружеских, других

родственников (6%), скорее всего это те, кто живет с родителями и родными. Число неполных семей — один родитель с ребенком — невелико (менее 1%), но вполне возможно, что такие есть и среди 1,4% тех, кто не ответил на вопрос.

Репродуктивные стратегии молодой семьи — это система приоритетов и способов деятельности, направленных на удовлетворение потребности в детях и на биологическое воспроизведение рода человеческого. Наши студенты, даже если каждая пятая молодая семья уже имеет ребенка, не очень активны в реализации этой потребности сейчас и не очень многообещающи в перспективе. В распределении ответов на вопрос относительно жизненных целей студентов-супружеских на ближайшую перспективу рождение первенца среди таких проблем, как получение диплома, решение жилищного вопроса, занимает скромное 4 место. Только 15% молодых супружеских, пока бездетных, считают появление малыша наиважнейшим событием в ближайшем будущем. Около 20% респондентов планируют в дальнейшем иметь двоих детей, только 3% — троих, а 11,5% решили остановиться на одном ребенке. Желаемое и планируемое число детей с учетом реальных жизненных обстоятельств в нашей выборке получилось традиционным: теоретически предполагают, что хорошо иметь больше детей, реально планируют иметь меньшее число детей. Эти репродуктивные установки респондентов далеки от расчетов ученых об эффективном числе рождений в семьях во избежание депопуляции. Среднее число «планируемых» детей — 1,54. Наши студенты не стали счастливым исключением в решении демографических проблем.

Нетрудно было предположить, что среди проблем студенческой семьи в числе наиважнейших окажутся материально-финансовые и жилищно-бытовые. Почти половина молодых семей прожи-

вают в общежитии того вуза, где обучаются, либо в разных других общежитиях. Совместно с родителями или у родственников — чуть более 8% семей, свое жилье имеют также немногие (одна из восьми семей). Треть семейных студентов снимают комнату, квартиру. У части (4%) студентов эта проблема остается в принципе нерешенной или решается ситуативно, как получится. Естественно, что в разных вузах жилищные условия семей складываются по-разному. Неясными остаются перспективы семейных студентов после окончания вуза и утраты права на общежитие.

Экономическая сторона жизни студентов в семье складывается из традиционных составляющих. Более половины из них используют совокупность источников финансовых поступлений — стипендию, помошь родителей и постоянный заработок кого-либо из членов семьи. Каждый четвертый отметил в качестве необходимости наличие разовых приработков. Один из пяти опрошенных отметил какую-либо помошь со стороны студенческого профкома.

Соотношение источников бюджетных поступлений довольно тесно связано с формой обучения — бюджетной или договорной. Студенты-договорники в семь раз меньше рассчитывают на стипендию (имея в виду, скорее всего, «вторую половинку» — студента-бюджетника), зато среди них почти вдвое больше тех, кто опирается на помошь родителей, в 1, 5 раза больше работающих временно или постоянно.

Вопрос о родительской помоши в определении материального статуса студенческой семьи не сводится только к ее размерам, ибо различны и ее формы. Одни родители высыпают месячное «пособие», другие покупают вещи, продукты, одежду. Небезынтересно отметить и такой факт: родители жены чаще, чем родители мужа, оказывают помошь молодой супружеской паре как при совме-

стном, так и при раздельном проживании семей.

Денежные ресурсы молодой семьи чаще всего расходуются стихийно. По данным исследований, в различных регионах нашей страны (в нашей анкете такой вопрос не задавался), по крайней мере $\frac{1}{3}$ респондентов не знает всех статей расходов семейного бюджета и весьма приблизительно оценивает фактическую и рациональную их величину. Семейной экономике пока никто не учит (кроме опыта и советов родителей, которые не всегда приемлемы для молодежи). Между тем в экономической науке существуют специальные курсы, которые во всех вузах могут читаться хотя бы факультативно.

Поскольку мнения о студенческих браках неоднозначны и даже семейная молодежь считает, что этот статус лучше приобретать тогда, когда человек уже прочно стоит на собственных ногах, было интересно спросить у наших респондентов, переживающих этап брачной адаптации, каковы у них сейчас взгляды на совместную жизнь, на возможность конфликтных, порою кризисных ситуаций.

Можно отметить, что ожидания большинства оправдались, они не сомневаются в устойчивости своего брака (92%). Однако 6% признались, что ощущают приближение кризиса, испытывают разочарование и даже подумывают о разводе (2%).

На вопрос о причинах расторжения брака ответили все, за небольшим исключением, выбирая несколько из предложенных вариантов. Очевиден акцент на причины психологического характера — ревность, недоверие, утрата чувств, равнодушие, несовместимость характеров. Главный повод, по мнению двух третей опрошенных, — измена. Естественны в числе причин и материальные трудности, бытовая неустроенность, но не они прежде всего. Коммуникативные

навыки, несоответствие культурных стереотипов, непонимание и несовпадение интересов, включение в «коммуникативный ряд» отношений с друзьями, родителями, близкими — важнейшая сторона семейной жизни, и ее недооценка в воспитании молодежи отражается на уровне межличностных отношений прежде всего. Умение жить совместно также не приходит само по себе.

Говоря о негативах и проблемных моментах жизни молодых супружеских пар, не обязательно приводящих к разводу, студенты становятся более рациональными, «не зациклившись» на эмоциях, конфликтных столкновениях ситуативного характера, когда противоречия в установках, целях, взглядах, столкновения из-за разных традиций и опыта родительских семей мужа и жены не выстраиваются в постоянный вектор отношений. Интересно, что оказалась одинаковой (21,5%) доля студентов, считающих конфликты неизбежными, и тех, для кого супружеская жизнь становится однообразной, лишенной новизны.

Но рациональность мышления и оценки негативов семейной жизни студентами заключаются в том, что они видят в качестве причин возможных разводов не эмоциональные всплески, а реальные трудности, которые должна преодолеть семья, и о которых мы говорили ранее — нерешенность множества бытовых проблем (32% от числа ответивших), необходимость много работать ради семейного благополучия (30%), для кого-то это уже помеха в учебе (17%) и далее — будущей карьере (18%). Почти в 10% ответов утверждалось, что в их семейной жизни негативных моментов нет, при этом в юридически неоформленном браке их еще меньше, что вполне объяснимо: обязательства друг перед другом номинальны, не всегда серьезны, и конфликты воспринимаются менее болезненно.

Для вузовской администрации и общественных организаций студентов (ас-

социации профсоюзов) практически самым важным был вопрос о том, в каких видах помощи нуждается студенческая семья, от кого она может ждать этой помощи, нужны ли какие-либо новые организационные формы взаимодействия вуза со студентами, имеющими самостоятельный семейный статус.

Среди приоритетных нужд выделены в порядке значимости (% от числа ответов): необходимость кредитов на образование, жилье — 21,4; помочь в трудоустройстве — 15,6; предоставление льгот на приобретение товаров — 13,6.

Далее идут осознанные потребности в разных формах консультирования: медицинского — 8,9, психологического — 6,9, бизнес-организационного — 6,6, юридического — 6,5.

Есть потребности в конкретной организационной помощи — в предоставлении индивидуального графика занятий (6-е ранговое место), в оказании помощи по уходу и присмотру за детьми (9-е место). Менее востребованы педагогическое консультирование, прокатные услуги. Но само по себе место в шкале приоритетности не является основанием для усиления внимания к позициям только верхним, ибо за каждыми нуждами, даже в малой степени обозначенными, стоят живые люди, реальные семьи.

Студенты, непосредственно и в большей степени связанные с одним из социальных институтов, естественно надеются на возможность решить свои проблемы в рамках этого института, хотя и понимают, что не все может сделать вуз.

Надо отметить, что студенты, надеясь на помощь своего вуза, в основном понимают его возможности и не рассчитывают на нечто несбыточное. Многие (30%) из общего числа опрашиваемых не дали ответа на этот вопрос, нашлись и те (1,4%), кто считает, что вообще вуз не оказывает никакой помощи, хотя в источниках бюджета семьи к своей стипендии 19% ответивших добавили поддерж-

ку и помочь студенческого профкома, на которую, кстати, кроме них, рассчитывают и несемейные студенты, нуждающиеся в этом.

Понятно, что студенты ждут от вуза, в первую очередь, помощи материальной. В нашем опросе на нее открыто надеются 65% студентов, вдвое меньше (30%) считают, что вуз может помочь в предоставлении жилья (общежития), в трудоустройстве (10%), в поисках места в детском саду, либо (те же 8%) в предоставлении индивидуального графика занятий. В самом вузе можно получить морально-психологическую поддержку.

Выделенные формы помощи могут быть оказаны, по мнению опрошенных, как в том вузе, где они обучаются, так и через межвузовские студенческие организации — Ассоциацию профсоюзов, центры трудоустройства, объединения стройотрядовцев и др.

В частности, отдельно ставился вопрос о создании новой структуры — Межвузовского центра поддержки студенческой семьи (МЦПСС). На него ответили, за небольшим исключением, все опрошенные студенты. Три четверти ответов — позитивны. Большинство считает это полезным делом, а каждый четвертый — даже делом неотлагательным. Не видит необходимости один из семи семьянина, а в числе затруднившихся с ответом либо не давших его — лишь один из десяти.

Обратим внимание на то, что о психологической помощи студенты говорят не только как о возможности предотвращения или разрешения конфликтов, развития коммуникативных навыков, умения преодолевать депрессивные настроения. Они подчеркивают, что такая помощь специалистов-психологов нужна всем студентам еще в добрачный период: проверка на психологическую готовность к семейной жизни, на совместимость характеров, оптимальное соотношение разумного и эмоционального в мотивации

выбора супруга, брачного партнера, вообще способность «разбираться в людях» и т. п. И если в этом нуждаются даже студенты педагогического вуза с большим программным циклом психолого-педагогических дисциплин, то для молодежи из других профессиональных групп это тем более необходимо.

Специфика представлений о студенческой семье в разных вузах выражена неярко, по большинству позиций мнения опрошенных совпадают. Обратим внимание на некоторые различия мнений студентов трех вузов: один по профилю подготовки — педагогический (опрошено 50 студентов УрГПУ), другой — технический (45 человек из УГТУ— УПИ), третий — профессионально-педагогический (33 человека из РГППУ).

Семейные студенты, как и контингент вузов в целом, различаются по полу: явно преобладают юноши в УПИ и девушки в УрГПУ (тех и других соответственно больше половины в этих вузах). В профессионально-педагогическом университете, готовящем преподавателей-мастеров для системы НПО, семейных девушек в два с половиной раза больше, чем юношей. В этом же вузе среди наших респондентов число юридически не оформленных браков в четыре раза больше оформленных.

Число семей, где оба супруга — студенты, больше всего в РГППУ, хотя и не обязательно из данного же вуза, на 10% меньше таких в УГТУ-УПИ, а в УрГПУ эта доля опрошенных совпадает со средним показателем по массиву — чуть более половины семей. Соответственно, в педвузовской семье менее половины супружес — не студенты (уже или еще), в УГТУ—УПИ — 40%, в РГППУ на 10% меньше, чем в УПИ. Трудно сказать, является ли это причиной того, что растет число «пробных», не оформленных браков. Но и сочетание факторов частой не зарегистрированности брака в РГППУ, где две трети семей состоят из супружес

студентов, средний возраст которых близок к «нормативному» (22–23 года), а стаж семейной жизни всего 1 (у 63%) или 2 (у 32%) года, нельзя считать случайным, они взаимосвязаны. Это влияет как на общий состав семьи, в котором преобладают пока бездетные, так и на реальный уровень «детности»: в УрГПУ детей имеет каждая четвертая, в УГТУ—УПИ каждая пятая, в РГППУ — лишь одна из десяти семей. Для определения тенденций и перспектив развития структуры студенческой семьи вопрос требует особого изучения.

Семейным студентам в УрГПУ в большей степени доступны блага бюджетного обучения (82%), проживания в общежитиях своего вуза (67%) и даже некоторой возможности снимать комнату (14%) или иметь собственное жилье (6%).

Студентов-договорников среди семейных в этом вузе 18% — меньше, чем средний показатель (23%) по вузам. Несколько ниже, но того же рода возможности у студентов УГТУ—УПИ, хотя по контракту там обучаются 31% респондентов.

Семейные студенты из РГППУ также в основном бюджетники (79%), но, по сравнению со сверстниками из УрГПУ и УГТУ—УПИ, имеют меньше мест в общежитии (42% в своем, 12% в другом), вчетверо чаще живут вместе с родственниками, вдвое больше среди них тех, кто вынужден снимать жилье, и вдвое меньше имеющих какую-то свою жилплощадь.

Имеет смысл обратить внимание на то, что среди оценок причин конфликтности личностная несовместимость значима меньше у «технократов» и больше у студентов РГППУ. Зато для студентов УГТУ—УПИ более веской причиной, чем для других, является потеря жизненных перспектив, которая по числу выборов оценивается ими наравне с бытовой неустроенностью. У других студентов быто-

вые причины намного перевешивают смысложизненные.

Более позитивными в оценках семейной жизни выглядят студенты УрГПУ, из числа которых каждый третий указал, что негативных моментов в их семейной жизни нет, хотя больше, чем у других, нерешенных бытовых проблем. Из сильнее обозначенных негативов и трудностей отметим необходимость много работать на благо семьи, по мнению студентов УГТУ—УПИ и РГППУ, и это, считают они, ограничивает личную свободу в совокупности с другими негативами.

Семей, где оба супруга являются студентами, у опрошенных юношей практически в два раза больше, чем у девушек: соответственно 72% и 44, 5%. Даный факт подчеркивает, что супруги в семье имеют разницу в возрасте. Как правило, более молодые жены еще продолжают учиться в вузе, мужья уже его заканчивают и исполняют традиционную гендерную роль «добытчика». Семей, в которых единственным студентом является муж, не так много — 28%, и можно предположить, что причины в том, что либо супруга юна и пока не может являться студенткой, либо разница в возрасте противоположна, жена уже окончила вуз и не является студенткой, а может, имеет место вариант традиционной гендерной роли супруги — «хранительницы очага», которой высшее образование ни к чему.

На вопрос о том, «является ли брак юридически оформленным», положительный ответ дали чуть больше половины девушек и практически три четверти юношей. У юношей семья чаще всего ассоциируется с юридически закрепленным браком и ответственностью, которая наступает после его заключения. Прочие отношения они интерпретируют как встречи, тем самым уходя от супружеской ответственности за своего партнера. Для девушек семья — это, скорее, духовная близость с любимым человеком,

общность интересов, психологическое убежище. Важно, что характер «оформленности» брака не влияет на общие ценности семьи, признаваемые студентами.

Среди источников доходов фигурирует стипендия (величина которой исключительно символическая), но число получающих ее девушек в 1,5 раза больше, чем юношей. Существует гендерный стереотип, что девушки вообще ответственнее, целеустремленнее, чем юноши, и это свидетельствует о более серьезном отношении к учебе даже семейных студенток. Обучение на бюджетной форме 85,1% девушек и 65,9% юношей также является показателем большей активности и продуктивности в учебе респондентов женского пола.

Еще одним источником доходов у студентов является помочь родителям, который одинаково представлен у респондентов обоего пола, соответственно у 22,8% юношей и у 24,2% девушек. Практически $\frac{3}{4}$ студентов говорят, что не зависят от родителей и живут самостоятельно, хотя этот показатель нуждается в коррекции, ибо «самостоятельная жизнь» и разного рода помочь родителей — это не одно и то же.

Половина семей респондентов мужского пола проживают в общежитии своего вуза, женского — 32,2%, и связано это с тем, что семьи юношей в большинстве случаев являются полными студенческими. Из числа замужних девушек 35,5% отметили, что снимают жилье, из чего не следует, что доходы семьи студенток выше и они могут позволить себе жить в съемной квартире. Их семьи являются в большинстве неполными студенческими, т. е. супруг может быть и старше, и более обеспеченным.

Свой брак считают прочным, и оснований сомневаться в этом нет у 91,5% респондентов мужского пола и 92,5% женского. Студенческие семьи образованы молодыми оптимистами, с брачным

стажем 1–2 года. Семейные кризисы в самом начале семейной жизни уже встречаются, и связаны они со сложностями взаимного привыкания супругов. Последующие семейные кризисы еще не знакомы студентам, так как в большинстве случаев стаж семейной жизни невелик и основой отношений являются чувства партнеров. Двухмерный анализ показал, что 40% респондентов обоего пола отрицают негативы в семейной жизни, они положительно оценивают семейные отношения. Из тех, кто не отрицает наличия негативных моментов, юноши чаще отмечали, что «Нужно слишком много работать для семейного благополучия» (32,1%), «Ограничиваются личная свобода» (27, 4%). Девушки выделяли «Много нерешенных бытовых проблем» (35,8%) и ту же необходимость много работать на благо семьи (28,3%).

Удивительно, как единодушны супруги, называющие причины возможного расторжения брака (см. табл.)

Таблица
Причины возможного расторжения брака, %

Причины	Пол	
	мужской	женский
Несовместимость характеров	17,4	14,5
Утрата чувств, равнодушие	19,1	18,8
Ревность, недоверие, измена	20,0	23,8
Материальные трудности	10,6	10,1

Если и юноши, и девушки практически одинаково осознают причины семейного кризиса, то можно предположить, что действия, направленные на решение сложных проблем, будут носить взаимный характер.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Высшие учебные заведения могут внести свой вклад в социально-демографическое развитие страны, проводя определенную работу среди студенческой

молодежи по повышению ее интереса к ценностям семьи и семейных отношений, по пропаганде ценностей брака семьи, детей, по повышению уровня эмоционально-психологической, нравственной, разумной социальной подготовки к созданию семьи с учетом ее статуса и функций в современном обществе.

Следует отметить, что имеет место неадекватное времени выполнение или невыполнение традиционных функций семьи, от которых зависит устойчивость, стабильность самого института семьи, представителями которого является студенческая семья. Молодая семья, переживающая стадию адаптации к супружеской жизни, уже демонстрирует всю совокупность проблем и тенденций, которые переживает современная семья в России и в мире.

Педагогический вуз, как и другие вузы университетского статуса, мог бы взять на себя функцию подготовки специалистов-семьеведов, специалистов по семейному праву, основам брачно-семейных отношений. Специалисты — медики и психологи, переступив через бесперспективные дискуссии о том, кто и когда должен заниматься половым воспитанием молодежи (семья, школа, сексологи, гинекологи, венерологи и т. п.), должны и могут разработать соответствующие системы воспитания, начиная с азов просвещения, специально для школы, для студентов, для будущих педагогических работников.

Администрации вузов, профсоюзным организациям студентов обратить внимание на специфический статус студен-

ческой семьи в определении государственной молодежной политики и ее реализации на своем уровне, оказывая первоочередную поддержку семейной молодежи в решении, по возможности, таких общих проблем, как жилье, материальный статус, трудоустройство, льготное кредитование.

Для организации вполне возможной помощи на вузовском уровне необходимо учесть потребности информационно-воспитательного характера, организуя консультационный всеобуч по проблемам брака и семьи, коммуникативным проблемам, конфликтологии, гигиены, степени рискованности добрачных связей и т. п.

В современной молодежной и семейной политике и в деятельности по ее реализации важно учитывать новые потребности новых альтернативных типов семьи, необходимость разработки семейного менеджмента и подготовки специалистов в этой области.

Создание межвузовского центра поддержки студенческой семьи, в пользу которого высказалось большинство опрошенных, станет эффективным, если, во-первых, будут четко определены направления его деятельности, найдены ресурсы для решения конкретных проблем и соответствующие кадры организаторов этой деятельности. Во-вторых, если к этой форме поддержки студенческой семьи, помимо вузовской администрации, будут привлечены другие структуры, включая участие управлеченских органов города, специальных фондов, объединений работодателей.

Получено 29.03.10

© Рубина Л. Я., Айрапетова С. Н., Пашук А. С., 2010